
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
НОЦ «Музей и культурное наследие»

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:**

**ТРУДЫ
АЛЕКСАНДРЫ
ВИКТОРОВНЫ
ПОТАНИНОЙ**

Издательство
Томского университета
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Жизненный подвиг Александры Викторовны Потаниной (<i>Н.М. Дмитриенко</i>)	5
Записки о моих родных и о моем детстве. <i>Публ. Н.М. Дмитриенко</i>	15
Из странствия по урянхайской земле. <i>Публ. Э.И. Черняка</i>	34
Встреча с двумя монгольскими ванами. <i>Публ. И.А. Голева</i>	60
Среди широнголов. <i>Публ. С.Е. Григорьевой</i>	77
Религиозная пляска в монастыре Кадигава. <i>Публ. К.А. Кузоро</i>	96
Гумбум, монастырь зонкавистов. <i>Публ. К.А. Кузоро</i>	103
Утай (из путевых заметок по Китаю). <i>Публ. С.Е. Григорьевой</i>	118
Из наблюдений над жизнью верхнеудинских бурят. <i>Публ. И.А. Голева</i>	133
Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа. <i>Публ. И.А. Голева</i>	142
О китайской женщине. <i>Публ. Н.М. Дмитриенко</i>	148
Список принятых сокращений	176
Именной указатель	177

СРЕДИ ШИРОНГОЛОВ

Весной 1884 г. наша экспедиция оставила Пекин и все лето шла на юго-запад. Поздней осенью мы прибыли в город Ланджеу, на западной границе Срединного государства¹ с подвластными ему землями тангутов и монголов. Здесь наша экспедиция разделилась: г. Скасси остался в Ланджеу, г. Березовский отправился на юг, где лесистые горы обещали ему обильную охоту, а мой муж и я отправились зимовать в страну оседлых монголов, в местность Санчуань (или три долины), на берегу Желтой реки, в двухстах верстах к югу от Ланджеу.

Санчуанские монголы представляют, по-видимому, особое племя и говорят языком, отличным от того монгольского, который мы знали раньше: ни монголы-халха, ни ордосские монголы, ни наши буряты не понимают их наречия. Китайские книги и старые легенды называют санчуанских монголов широнголами², и я буду употреблять это имя, так как оно принадлежит не местности, как Санчуань, а народности. Широнголы говорят про себя, что они пришли в эту страну на берега Хуанха во времена Чингис-хана, в качестве его войска, без женщин; были тут поселены и переженились на китайках. Действительно, у них много китайских обычаев и почти все они говорят по-китайски; многие, особенно женщины, носят китайские имена. Тем не менее их особый язык, многие народные обычаи и особенности в costume заставляют предполагать, что они не только окитаившиеся монголы, но составляют особое племя. Живут широнголы оседло, в фанзах из необожженного кирпича, занимаются хлебопашеством, и по внешнему виду их трудно отличить от китайцев; различие выступает при более близком знакомстве в физическом типе и характере.

Между широнголами замечаются два резко обособленные типа: одни из них с резкими чертами лица, большими глазами, смуглые и сильно черноволосые, другие – голубоглазые, с русыми волосами. Между обоими типами встречается много красивых лиц; росту почти все они высокого и очень стройны, живут подолгу, встречаются нередко столетние старики. У женщин этой резкой обособленности типа я не заметила; взамен этого они отличаются от китаянок и монголок своей одеждой и головным убором. Волосы они связывают на макушке головы в шиньон так же, как китаянки: но сверх того, накладывают пышно расчесанную незаплетенную косу вокруг шиньона, прикрепляя ее металлической булавкой. Ниже шиньона они носят небольшой обручок, украшенный серебром и кораллами. Убор этот очень красив; по праздникам к нему прибавляется еще бахрома из мелкого жемчуга или кораллов, и в этом виде он напоминает старинные девичьи повязки в наших средних губерниях.

Впрочем, головные уборы широнголок очень разнообразятся по местностям: в одних местах носят косу, распущенную на спине, и только конец косы прикрепляют к затылку большим металлическим мечом, рукоятка которого украшена вставками из камней; в других – носят на голове черные бархатные камилавки как наши монахини, но не больше вершка вышиной; третьи делают себе высокие кокошники из картона, обшитого красной материей, бахромой и блестками; сзади кокошника на спину спадает фата, которая обыкновенно делается из той же грубой ткани, как и остальная одежда. Халаты нередко также оригинальны: обыкновенно они синие, одноцветные, но в некоторых деревнях рукава шьются из полос ярких разноцветных материй; это, пожалуй, красиво, но не особенно изящно. Санчуанки халаты и кофты носят одноцветные, преимущественно зеленые, и только на отворотах рукавов и на воротнике употребляют яркие материи или вышивки. Все широнголки носят юбки с разрезами наперед и назад и у пояса сложенные в мелкие складки; панталоны всегда синие, широкие у ног; необходимое дополнение костюма у них фартук, всегда сшитый из материи двух цветов, зеленого и красного. Замужней женщине показаться в семье

перед старшими или перед посторонними лицами без юбки считается предосудительным, тогда как китайки юбку считают только принадлежностью нарядного туалета, да и то лишь в мандаринских семьях³, а простые женщины часто их совсем не имеют. Ноги санчуанские широнголки забинтовывают, но каблуков не носят и потому ходят лучше китайнок.

Девочки юбок не носят и заплетают волосы в косы; одну распускают по спине, а другую заплетают над левым виском и прикрепляют к задней косе. Лет до 12–13 девочки растут на свободе, играют с мальчиками, участвуют во всех домашних и полевых работах, нянчатся с ребятами; позднее они на улице не показываются, в поле не работают, вообще ведут жизнь затворническую. Даже в бедных семьях, где рабочих рук мало, девушек избавляют от всех работ вне дома. В эти годы они усиленно занимаются рукоделиями, вышивают шелками разные вещи для себя и для подарков во время своей будущей свадьбы.

Замуж широнголки выходят не ранее 16–17 лет, но мальчиков иногда женят очень рано; у богатых раньше, чем у бедных. У нашего соседа, богатого землевладельца и чиновника, служившего в милиции, был сын лет двенадцати. Мальчик часто играл с детьми на улице, ходил мимо нас в школу и иногда приходил к нам посмотреть картинки. Как-то раз наш переводчик, присутствуя при этом, сказал мне: «Этот бедняга уже женат!». Я, конечно, подумала, что Сандан-джимба шутит, но впоследствии это оказалось правдой. Жена этого школьника была лет 18 и никогда не показывалась вместе с ним, а также и в доме свекра. Отец выстроил женатому сыну отдельный дом с отдельным двором и воротами, и так как мальчик не мог сам вести хозяйство, то он поселил с ним бывшего учителя, который и заведовал хозяйством молодых людей.

Впоследствии я встречала и еще таких же мужей-мальчиков. Обычай требует, чтобы невестка не показывалась на глаза свекру. Сандан-джимба говорил: «Если случится, что свекор войдет в ту комнату, где находится невестка, она должна встать лицом к стене и простоять так все время, пока отец ее мужа не уйдет из комнаты»*.

** Такой же обычай есть в знатных киргизских семьях (прим. автора).*

Сандан-джимбе очень нравились широнгольские обычаи. Он называл их утонченными: но, как и следовало ожидать, обычай женить ребят привел к тому, что почти все зажиточные широнголы женятся впоследствии на второй жене, а некоторые имеют и трех. Когда я бывала в домах широнголов, я всегда боялась жену хозяина дома принять за его мать. Часто случается, что старшая жена, замененная более молодой, превращается в простую работницу, которая не пользуется ни любовью, ни особенным почетом окружающих ее лиц; особенно в этом случае бывает печальна участь бездетных женщин. Такие ранние браки, по-видимому, не особенно оберегают и нравы. Молодой муж состарившейся жены не всегда имеет средства взять себе другую жену и в таком случае устраивается как-нибудь незаконным образом, чему, может быть, немало помогают и те старики, которые запаздывают со своей второй женитьбой и женятся на неровнях. О сценах ревности у широнголов не приводилось слышать, что, впрочем, можно сказать вообще о всех монголах, встреченных нами.

Сговоры жениха и невесты делаются рано, иногда за несколько лет до свадьбы, которая бывает тогда, когда семья почувствует себя в силах сделать большие затраты для свадебного пира. Широнголы вообще очень тщеславны и потому делают свадьбы с большими затратами и при этом входят иногда в долги. Невесту в день свадьбы рано утром, на рассвете, везут в дом жениха, верхом на муле или на лошади. Если дома нет животного или седла, то берут их у соседей. Едет невеста ненарядная, покрытая с головой нагольной шубой⁴ (я видела свадьбу зимой), и все время громко плачет с причитаниями, нараспев. За ней идут родные ее и поют все время песни. Напев при этом печальный, монотонный; в другое время, сколько мне кажется, эти песни не поются. Немного не доезжая до женихова дома, женщины раскладывают два костра, и между ними проходит процессия и проезжает невеста; у входа в калитку дома тоже раскладывают костер.

Свадебный пир начинается к полудню. Собравшиеся гости сидят за столами, за теснотой домов чаще всего на дворе или в палатке, нарочно для этой цели

раскинутой**, и пьют подогретую водку, чаще домашнюю, а не покупную. Всякий гость или гостя, приходящие на пир, что-нибудь дадут жениху или его отцу или дают несколько денег. Молодой, одетый в несколько халатов и подвязанный крест-накрест через плечи куском пунцовой материи, принимает гостей у ворот и ведет в комнату; здесь он принимает подарок и кланяется гостю в ноги, а потом усаживает новоприбывшего или в комнате, если он гость почетный, или на дворе за одним из столов. В первом случае перед гостем ставят особую фляжку с водкой, во втором – подносят только чашку с водкой и затем пристраивают гостя к общей фляге. Гости, сидящие на дворе за столами, выпивая, поют песни; но женщины при этом не участвуют: они собираются в отдельную комнату; молодой в начале пира также не видно.

На той свадьбе, которую я видела, монгольские обычаи, по-видимому, были смешаны с китайскими, и потому, когда гости все собрались, среди двора поставили столик и на нем небольшую деревянную табличку с изображением пяти священных иероглифов. Иероглифы эти обозначали пять понятий, перед которыми должен благоговеть каждый китаец, это были слова: небо, земля, император, отец, мать. Перед столом разостлали ковер, стол украсили цветами и перед таблицей зажгли курительные свечи; затем из внутренних комнат вывели молодую, одетую во все самое лучшее. Молодой муж встал впереди, жена за ним, дальше встали женщины, две провожатые невесты; у стола с иероглифами встал отец молодого и другие старики. Молодые совершили несколько земных поклонов перед таблицей и потом перед отцом и перед стариками; один из стариков громко прочел или, лучше, сказал им благословение. После этого молодые ушли, а перед стариками стали выступать родные невесты и получать от них подарки, соответствующие их близости к невесте и важности в семье. При раздаче подарков гости пели величание получавшим. После этого все заняли свои места, и гостей стали угощать обедом; после обеда родные невесты ушли, а оставшиеся гости пировали в продолжение всего дня.

** В деревне Нидже, где мы жили, была общественная палатка, которую жители брали напрокат (прим. автора).*

Молодая после свадебного пира уходит в дом своих и остается там несколько дней*.

** Такой же обычай уходит после свадьбы к родителям есть и у наших вотяков (прим. автора).*

Когда у молодых родится ребенок, мать с новорожденным тоже привозится в дом родителей и здесь поправляется, избавленная от всех хозяйственных хлопот. Не знаю, сколько времени она остается здесь; вероятно, это зависит от обстоятельств. Обычай этот наблюдается и впоследствии, не только при рождении первого ребенка. Через несколько времени назначают день для обряда назначения имени. В чем состоит обряд, я не знаю; знаю только, что при этом родные дарят матери и ребенку, – последнему непременно пунцовую рубашку.

Хоронят своих покойников широнголы по-китайски: в гробах и на семейных кладбищах; по большей части среди пахотных полей оставляют уголок для могил. Перед конусообразной кучкой земли ставят камень, отесанный или даже простой, с плоской вершиной, и на нем в дни поминок сжигают желтую бумагу, хлеб и вино.

При похоронах также стараются щеголять друг перед другом расходами. Раз один нежный сын, покупая при мне шелковый халат для своей старой матери, в извинение своей расточительности говорил: «Нельзя иначе; старушка скоро умрет, а хоронить нужно в приличном платье».

Обыкновенно жизнь широнголов идет очень скудно. Дома, особенно старухи и молодые девушки, которым не нужно показываться на улицу, ходят в ужасных лохмотьях. Часто даже у зажиточных людей приходилось замечать нижнее платье, заменяющее наше белье, до крайности заношенное и худое. В то же время и бедняки стараются иметь нарядное платье на праздник.

Едят широнголы тоже очень плохо: почти исключительно только то, что растет на их пашнях и огородах. Мясо покупают редко, к пшеничной муке часто подбавляют более дешевую гречневую или гороховую; часто весь день пробавляются чаем. Пьют, впрочем, не настоянный чай, а листья какого-то кустарника из ближайших гор; обед варят только к вечеру. Если есть корова, молоко стараются продать

или копят масло на продажу. В то же время даже бедняки на праздниках стараются настряпать как можно больше: покупают свинину, колют кур, пекут на масле печенье, щеголяют разнообразием блюд и приправ, покупаемых в китайских лавках. Часто, не довольствуясь домашней стряпухой, приглашают на этот случай более искусных в поварском деле женщин или мужчин. За такими праздничными или зваными обедами в деревнях не редкость встретить *халуи-того* или *хо-того* – огненный котел или горячий котел: это медный сосуд, вроде нашего самовара, только гораздо ниже; середина кастрюли занята трубой, в которую накладывают горячие угли. В таких кастрюлях подают мясные блюда, которые следует есть горячими; перегородки, которые идут от трубы к наружным стенкам сосуда, позволяют подавать в нем до пяти различных соусов или рагу. Изобретение этого котла, вероятно, принадлежит китайцам: у них также есть такие котлы.

Другая особенность кулинарного искусства, которую я встретила у широнголов, – это приготовление каплунов и пулярок⁵. Для этого преимущественно употребляют крупную породу очень красивых белых кур с большими хохлами. В этой же местности у широнголов так же, как и у китайцев, есть еще одна порода кур, ценящаяся за вкус мяса: это куры с черными или, скорее, с темными костями и клювами. Особенность эта принадлежит породе, а не прививается искусственно.

Более всего в санчуанской кухне нравился нам хлеб, который совершенно походил на русский домашний хлеб. Об этом вкусном хлебе говорят и Гюг, и Пржевальский. Пекут его на дрожжах, между тем как китайцы подбавляют в свой всегда пресный хлеб поташ⁶ и притом дурно очищенный, и потому китайский хлеб всегда имеет противный вкус мыла. Санчуанки дрожжи получают при выделке домашней водки.

Отличительной чертой широнголов, мне кажется, можно считать тщеславие, стремление жить напоказ. Я заметила также между ними очень много людей с очень невысокими умственными способностями; но была ли это национальная черта, выделяющая их из ряда других известных мне монголов, или только влияние земледельческой

жизни, – где опыт отцов так мало оставляет места для личной самостоятельности, что ум санчуанских поселян остается в неразвитом состоянии, – я не знаю; по крайней мере, сравнивая их с кочевниками-монголами, которые в своей полной непредвиденных случайностей жизни должны больше работать собственным умом, мы находили широнголов более глупыми. Взамен ума я не могу отказать широнголам в большом развитии ремесленной ловкости и даже художественного вкуса. Из них выходят искусные плотники, столяры и резчики по дереву. Дома богатых людей в этом крае, кумирни и мечети всегда обильно украшаются резьбой. В монастыре Гумбум почти все мастерские живописи и лепных работ наполняются широнголами; религиозные пляски также по преимуществу исполняются ими. Ламы находят, что широнголы более других монголов способны ко всем этим искусствам.

Женщины широнгольские – большие мастерицы во всех женских рукоделиях; некоторые удивляли меня богатством своей фантазии и вкусом при составлении узоров и вышивании. Узор для вышивки не составляется заранее, как у нас, а изобретается при каждой работе или, по крайней мере, сохраняется только в памяти мастерицы.

К таким более искусным художницам являются другие деревенские женщины, прося их выстричь из бумаги узор для той или другой вещи. Мастерица берет маленькие ножницы и тут же, разговаривая с окружающими, вырезывает гирлянду; при этом она все варьирует фигуры, какой бы длины ни была требуемая гирлянда. Цветы и листья их узоров имеют стереотипный характер, но сочетание их всегда новое. Этот бумажный узор накладывается на материю и покрывается шелками, причем всегда почти очень много вкуса в расположении теней и красок.

Можно бы думать, что такое искусство в рукоделиях широнголки получают в ущерб их другим занятиям, но этого нет. Все самые тяжелые полевые работы в Санчуане исполняются женщинами наравне с мужчинами. Они пахут, полют, жнут и молотят, нередко они же и мелют хлеб на ручных жерновах. Мне казалось даже, что женщины широнгольские трудятся гораздо больше своих мужей.

Землей широнголы владеют на правах собственности, и потому очень часто земельные участки крайне малы. Чтобы помочь этому злу и не дробить землю до бесконечности, широнголы младших сыновей, одного или двух, посвящают в ламы. Иногда отец отдает своего сына в один из монастырей, которых в их крае очень много, или он остается дома, но как лицо духовное, обреченное на безбрачную жизнь, не получает земельного надела. Иногда отец платит монастырским ламам⁷ за обучение своего сына грамоте или какому-нибудь ремеслу, и тогда мальчик вырастает более или менее обеспеченным человеком. Иногда даже он делает карьеру в монастыре, а если ему не повезет, он или остается заурядным монастырским работником, или превращается в бродячего бобыля, питающегося случайным заработком или милостыней; зато его старшие братья имеют земли несколько более.

Скажу еще несколько слов о праздниках у широнголов. Вскоре после нашего поселения в Нидже, как-то вечером, мы заметили некоторое оживление в деревне. Женщины со всех дворов выметали сор на улицу и здесь сжигали его; в то же время на всех окрестных высотах видны были огоньки. Нам сказали, что это сжигают чапеи. Выметание сора тоже имело какое-то особенное значение, – кажется, оно заменяло обряд изгнания черта – обряд, который совершают многие из наших русских инородцев. Чапей – это деревцо, воткнутое на холме или на искусственной насыпи среди пашен, к которому весной, с известными обрядами, привязывают чучело – черного козла. Чапей втыкают и козла колют ради сохранения полей от градобитья особые выборные от деревни люди – тереучи, как их называют. Они обязаны наблюдать за сохранностью пашен, смотреть, чтобы не было потрав, и налагать за них штрафы; во время грозы они должны идти в кумирню и умилостивлять богов музыкой, прогуливаясь под дождем по вверенным им участкам; они же устраивают молебствия во время засухи.

Летом, когда хлеба поспеют, в деревнях назначают праздники, для каждой деревни с ее выселками, в один и тот же раз, навсегда определенный день и в одном определенном месте, непременно под открытым небом. Туда съезжаются

жители, приносят хлеб, испеченный из новой муки, и водку. Тереучи как бы делают смотр продуктам и потом делят все принесенное между присутствующими; при этом львиную долю назначают ламам. Хозяйки в этот день стараются испечь хлеб как можно лучше, а главное, как можно больше по объему: в этом их главная слава. На праздник в этот день привозят сундук, сохраняющийся обыкновенно в главной кумирне этих деревень. Ключи от сундука хранятся у всех четырех тереучи и отпереть его замки можно только всем тереучи вместе. В этом сундуке хранятся костюмы и маски, и тереучи предлагают желающим маскироваться и плясать. Представлений театрального характера, по-видимому, при этом не бывает.

Поздней осенью у широнголов бывает еще праздник с маскарадом. Они называли нам его тангутским именем чоба, что значит цветок. Действительно, в этот день делают какое-то подобие огромного цветка из бумаги и носят его впереди процессии на палке. Процессию составляют маскированные: они входят на театральную платформу перед кумирней и здесь дают представления, по-видимому, состоящие из грубых фарсов. Масса народу стекается сюда к вечеру полюбоваться на иллюминацию около кумирни и театра; почти всякий идет с зажженным фонарем, воткнутом на палку. Много сжигают в это время ракеток и петард. Общество бывает очень оживленно и шумно. Это какой-то шутовской веселый праздник; костюмы для него шьются в складчину участвующими.

Весной в Нидже бывают и настоящие театральные представления в честь Кван-Лоя, божества, которому посвящена их главная кумирня. Это чисто китайский праздник. В это время приглашают настоящих актеров.

Самый главный праздник у широнголов так же, как у китайцев, – цаган-сар, первый день весны, начало нового года. Это праздник несколько торжественный, нешумный; к нему заранее готовятся и празднуют его две недели; так, по крайней мере, следует праздновать. Праздник начинается с вечера. В сумерки, к восходу луны, все надевают нарядное платье, по возможности, новое; хозяин дома перед дверьми своего жилья сжигает с коленапреклонением желтую бумагу,

к дверям и углам дома прикрепляет курительные свечи, над входом в дом вешает зажженные фонари, на двери и на стены наклеивает новые картины и даже над яслями у своих животных налепляет какую-то желтую печатную бумагу. Вслед за хозяином дома молится и вся семья; затем они начинают угощаться, каждый в кругу своей семьи, заранее приготовленными и уже поставленными на стол блюдами. На другое утро хозяйка прежде всего выкидывает собаке несколько различного сорта хлебцев – пшеничный, ячменный, гречневый и т. д. – и наблюдает, за какой хлеб собака раньше возьмется: такого хлеба в этот год урожай будет изобильнее. Многие хозяева и прочему скоту в этот день дают хлеба.

Затем начинаются визиты родственникам, причем строго наблюдается старшинство родственников. Каждые санчуанец и санчуанка, отправляющиеся с визитами, берут в руки корзину, ставят туда бутылку с водкой и кладут печенье: это приношения, доказывающие уважение. За богатыми слуги носят приношения на подносах. При входе в дом делают земной поклон перед божницей, а затем такие же поклоны перед старшими родственниками. Все 16 дней цаган-сара проходят в таких взаимных визитах. Для молодых людей и молодых женщин в Санчуане устраиваются на улице качели, как это делается у нас в Пасху в некоторых русских деревнях.

Вслед за окончанием праздников народ в Санчуане принимается за полевые весенние работы.

Чтобы ближе познакомиться с жизнью широнгольского крестьянина, я опишу здесь нашу жизнь в доме одного из них.

В ясный осенний день в ноябре 1884 года переехали мы на пароме через Желтую реку и к вечеру въехали в деревню Ниджа, где предполагали зимовать. Наш небольшой караван на наемных мулах вошел в китайскую часть деревни, и мы остановились на постоялом дворе у китайца. Наш переводчик Сандан-джимба был санчуанец родом, и в Нидже у него были родные; на другой же день он отыскал нам квартиру и позвал меня осмотреть ее. Оставив тесные улицы с лавками и миновав китайскую школу на окраине деревни, откуда слышался шум детских голосов, нараспев читающих свои книги, мы вышли на поля. Здесь, перейдя несколько пашенных

арыков⁸, обсаженных тополями, вошли в улицу среди нескольких отдельно стоящих домов. Уже одна эта отдаленность от китайских улиц расположила меня в пользу моей будущей квартиры, а высокие трехсаженные стены, окружавшие со всех сторон двор, и единственная калитка, которую, казалось, легко было запереть, понравились мне еще более.

Внутри этой крепости, сложенной из сырцового кирпича, находились два дома из того же материала; прямо против калитки был тот, который желали отдать нам. При входе внутрь я увидела, что эту постройку нельзя было назвать домом, собственно, в нашем смысле этого слова. В нее вели огромные створчатые двери из плохо отесанного дерева; навешаны они были не на петлях, как у нас, а ходили на пятах, т. е. каждая створка имела в своей верхней и нижней части шины, которые вкладывались в дыры, продолбленные в верхнем косяке и в пороге; двери такого устройства никогда плотно не прилегают к косякам. Дом имел одно только помещение; пол в нем был земляной, а потолок из жердей, прикрытых соломой, сверху густо обмазанном глиной; это служило в одно время и потолком, и кровлей дома; между жердями потолка, положенными на стены, были скважины, в которые свободно влетали воробьи; два большие окна не имели ни рам, ни решеток, но изнутри задвигались ставнями. Одна часть этого сарая имела кан, или лежанку, сбитую из глины; под ней были две топки, подтапливающиеся со двора. Очага в доме не было. Несколько корзин с зерном и деревянный сундук составляли имущество хозяев, которое они обещали убраться, если мы найдем дом.

Осмотревши это не совсем комфортабельное жилище, я зашла в боковой дом, чтобы посмотреть, не лучше ли он устроен, и думая в таком случае нанять его; но там было все то же самое; разницу составлял только очаг, сложенный самым грубым способом в одном из углов жилья. Хозяевам, по-видимому, очень хотелось пустить нас к себе, и они обещали сделать все необходимые улучшения в доме: затыкать дыры, заказать решетки к окнам и поставить переносную китайскую печку-жаровню. Зная по опыту, что в деревнях готовых квартир не бывает, богатые люди к себе не пустят,

а бедняки век живут тесно, я решилась взять эту квартиру; нужно было только решить вопрос о кухне. Повели меня посмотреть кухню, и оказалось, что это была небольшая загородка между нашим домом и стеной двора. Стенка, составляющая эту загородку, была почему-то сложена не во всю ширину и оставляла с обеих сторон небольшие проходы; один из них должен был служить дверью, но другой я находила уже совершенно излишним. В этом углу за загородкой был сложен очаг с вмазанным в него котлом. Пришлось согласиться и на это; решили, что наш слуга, повар и конюх вместе, будет спать у нас в комнате, а старик-переводчик ходить ночевать к своему племяннику в соседний дом.

Платить за квартиру мы должны были по одному лану четыре цена в месяц, т. е. около четырех или пяти рублей на наши деньги.

На другой день мы, не дожидаясь переделок, перебрались на новую квартиру. Семья наших хозяев состояла из двух братьев и их матери. Оба брата были женаты; у старшего было две девочки, у младшего – одна. Отдавши нам один дом, братья рассчитывали поселиться в другом доме вместе.

Поселясь в доме без окон, мы поневоле участвовали в жизни, происходившей на нашем дворе. Постоянное его население составляли наша лошадь, безрогая, жалкого вида корова с теленком и такой же маленький с вытертой спиной ослик. Все эти животные стояли у яслей, сбитых из глины вдоль всей левой стороны двора; в углу между домами жили две черные свиньи, а перед домом лежала старая рыжая собака. На веранде, куда выходили наши окна и дверь, постоянно сидела бабушка с какой-нибудь работой, и играли дети; тут же сидели и матери, когда не были заняты хозяйством. Среди двора в первые дни нашей жизни в Нидже постоянно толпился народ около плотника, работавшего тут рамы к окнам в нашу комнату; собирались, чтобы посмотреть на работу и подать совет, но главным образом, конечно, чтобы посмотреть на нас и на нашу жизнь.

К сожалению, наши сношения с окружающими нас людьми были очень затруднительны. Мы не понимали ни слова по-широнгольски, а они не понимали нашего

монголо-халхаского наречия. Наш слуга Очир, монгол из Ордоса, также не понимал широнголов и объяснялся с ними, насколько умел, по-китайски. Старый Сандан-джимба мог бы вести переговоры, но он в это время был очень занят нашим хозяйством, делал закупки припасов и вел дипломатические переговоры с деревенским начальством, чтобы водворить нас в Нидже на законном основании.

Старания его увенчались успехом: вскоре после нашего приезда явилось к нам четверо старшин деревни принять нас в свое заведование и поздравить с приездом; явились они, по местному обычаю, с подносом, на котором лежали груши, грецкие орехи и несколько пачек китайской вермишели. Несколько аршин бумажной материи на курмы⁹ в ответный подарок, кажется, достаточно поддержали наши добрые отношения.

Несмотря на незнание языка, несложная жизнь наших хозяев недолго оставалась для меня тайной. Вскоре я разглядела отличительные черты каждого члена семьи и их взаимные отношения. Братья имели лавочку на базаре, где торговали мелочами. Мужчины уходили в лавку каждое утро, жены ходили туда помогать в торговле только в базарные дни. Младший брат был юркий торговец; очень часто он брал за плечи небольшую связку с мелочным товаром и, постукивая в маленький бубен, уходил по деревням сбывать свой товар. Бубен служит китайским коробейникам вместо выкриков; заслышавши мелкую дробь бубна, всякий знает, что пришел торговец с тесемками, пуговицами, коленкором, нитками и тому подобным. Другие торговцы имеют другие способы заявлять о себе: странствующий цирюльник бьет в медный тазик, починщик битой посуды или старой обуви каждый имеет свои особые инструменты и звуки, заявляющие об их приходе.

Старший брат был увалень, смотрел строго и говорил, мало; большую часть своего времени он проводил, греясь у очага. Жена его казалась забитой, говорила шепотом и притом всегда заговаривала со мной в такое время, когда около никого не было и, следовательно, никто не мог мне перевести ее речи. Это меня сердило, а ее манера шептаться

заставляла меня подозревать, что она говорит что-нибудь дурное, чего не должны были слышать ее родные. Очень скоро, впрочем, я открыла, что мрачный хозяин дома был просто глуп, а бедная Тунджи шепталась потому, что была глуха: в детстве на нее напали волки, ободрали ей кожу с головы и повредили слух. Жена младшего брата Тушнюр была под стать своему мужу: такая же бойкая, умелая, разговорчивая и веселая, большая мастерица шить и вышивать; она брала чужую работу, имела свой заработок и потому пользовалась некоторым почетом в семье и любовью свекрови. Мне она не особенно нравилась, так как, пользуясь своим превосходством, она немного капризничала, точно так же, как и ее маленькая дочка, баловень всей семьи. Пятилетняя [дочка] Тунджи, напротив, была нетребовательный, вечно смеющийся ребенок, большая шалунья; она в то же время уже помогала матери нянчиться со своей сестрой, годовалой Чиджей. Бабушка бинтовала ей ноги, но она часто снимала бинт и предпочитала ходить босиком.

Оказалось, что наше поселение в доме внесло разделение в семью. Из-за чего выходили ссоры, я не могла решить; но дело в том, что Тунджи с ребятишками не пустили жить в дом младшего брата, и они, несмотря на зимнее время и холод, доходивший иногда до 20°, должны были спать в конюшне, на холодных нарах, день проводили на веранде, а стряпали в нашей печке.

Тунджи вставала рано еще до свету, отец – позднее; но, когда и он встанет и наденет на себя шубу, которой семья была одета на ночь, Чиджа, а за ней и Больджуха начинали плакать в конюшне. Тогда, если мать бывала дома, [она] брала младшую дочь на руки и согревала своим теплом, а старшую посылала поскорее на солнышко, т. е. на веранду, и рекомендовала одеваться в ее дневной костюм там. В те дни, когда матери и отца не было дома, Больджуха утром не умела утешить озябшую Чуджу; она и сама принималась плакать. Кусочек хлеба с маслом или медом всегда, впрочем, был в состоянии ее утешить.

Хозяйство нашего хозяина разрушалось с каждым днем. Торговля шла у него неуспешно. Лавочку он должен

был закрыть, а за долги у него увели корову с теленком и осла; оставались одни свиньи, и потому вся хозяйственная нежность Тунджи сосредоточилась на них. Она уже мечтала о будущих поросятах, а свинья начала таскать всякое плохо положенное тряпье в печку, под нашим каном, приготовляя там гнездо своим будущим детям. Но все эти мечты разлетелись. Раз в одно несчастное утро, у нас на дворе появился китаец, начал что-то шуметь с хозяином, напоследок забрал свиней и, кроме того, снял с мужа Тунджи шубу и оставил его в одном холодном халате. Наш Очир принимал горячее участие в споре с китайцем и даже пришел к нам с негодованием сообщить о том, что китаец снимает последнее с человека, что эта шуба – единственная теплая одежда на всю семью. Но Очир был дикарь-монгол и потому, естественно, мог возмущаться таким поступком, а мы оказались на высоте своей европейской цивилизации и решили, что нельзя помешать ограбить человека на законном основании за долги.

Сочувствие наших соседей тоже, по-видимому, было не на стороне нашего хозяина, который, как оказалось, всем в околотке был должен. Меня в этом случае удивляла та покорность судьбе, которую выказывала Тунджи. Русская баба в подобных обстоятельствах отводила бы душу, ругаясь, а Тунджи все молчала. Тут я вспомнила, как Сандан-джимба, расхваливая своих санчуанок, говорил: «У нас утонченные обычаи!». С увеличивающейся бедностью Тунджи становилась еще более кроткой и смиренной в своих отношениях с окружающими, а ее энергия в работе как будто возрастала. Дома у нее было мало дела, и она часто стала уходить на работу в люди или в свою родную деревню к отцу, чтобы заработать там хлеба для семьи. Время наступало горячее для всех хозяек: приближался праздник Нового года. Все в Нидже усердно шили новые ватные платья для всех членов семьи и новую обувь, чтобы обновить наряды в день Нового года. Кто не нуждался в ватном, шили холодное платье, обшивали детей, вообще спешили покончить со всем шитьем в доме, потому что вслед за цаган-саром у санчуанцев начинаются полевые работы. Шить Тунджи было нечего; правда, чтобы не отставать от других, и она

вышивала какие-то плисовые лоскутки, которые, по ее мнению, должны были, украсить башмаки ее мужа, но самих башмаков ей так и не удалось сделать. Взамен рукоделия Тунджи деятельно принялась за кучу земли, лежавшую у нас перед воротами, и усерднейшим образом разбивала эту землю колотушкой и разрыхляла лопатой.

Такие кучи земли виднелись и перед всеми другими домами в нашем околотке, и, кажется, хозяйки одна перед другой гордились величиной этих куч, выросших, главным образом, благодаря их усердию. С вечера в сумерки обыкновенно все широнголки отправляются на пашню, если она близко, или куда-нибудь на дорогу, в поле, и, наложивши там корзину земли, приносили ее домой; землю эту посыпали под ноги скоту и также в тот угол двора, который назначался для всяких нечистот, а рано поутру женщины опять сгребали эту землю, перемешанную уже с навозом, и сваливали в кучу перед воротами. К весне, когда в день земля уже оттаивала, хозяйки по вечерам принимались разрыхлять ее. Тунджи предавалась этой работе с увлечением всякую свободную минуту; часто даже, несмотря на свою забитость, она такой властной рукой подавала свою девочку мужу, если только он попадался ей на глаза, и сказавши, досут ли теперь мне с ребенком сидеть, убегала за ворота пересыпать свою кучу. Она нисколько не подозревала, что я смотрела на такой порядок вещей с удивлением, что мне казалось гораздо приличнее матери сидеть с ребенком, а мужику заниматься удобрением.

В последние дни перед праздником деятельность Тунджи усилилась еще в другом направлении. Она, кажется, решила перепечь всю бывшую у них в запасе муку; напекла булок из пшеничной [муки], но так как ее было мало, то она принялась печь лепешки из гречневой и напекла их два мешка. В своей заботе о будущем она совершенно не принимала во внимание, что эти лепешки сохли и даже покрывались плесенью; она тщательно берегла их, даже принесла один мешок ко мне, уверяя, что в ее помещении лепешки утащат собаки, но я подозревала, что она просто боялась того, что ее муж и дети нападут на запасы и съедят их раньше положенного срока. Стремление настряпать на целый месяц

скоро объяснилось; тотчас после цаган-сара, как наступили полевые работы, Тунджи ушла к отцу и работала у него с тем, чтобы после взять осла и вспахать свою маленькую пашню. Работали в это время все крестьяне очень усердно; но на нашем дворе особой деятельности не было заметно. Муж Тунджи, по-видимому, считал себя вправе совсем отказаться от полевых работ, потому что он в это время считался нашим поваром вместо ушедшего Очира. Брат-торговец не торопился со своей пашней, рассчитывая нанять осла, когда другие управятся с пахотой. Одна Тунджи работала усердно, без отдыха, по-видимому, с увлечением. По временам Тушнюр и бабушка выходили за ворота помогать Тунджи насыпать земли из кучи в корзины; но как только Тунджи угоняла осла с корзинами на пашню, они возвращались в дом к прерванным занятиям, и следующие корзины Тунджи уже опять насыпала одна. Когда я выходила в это время к ней за ворота, она, не отрываясь от работы, пробовала приобщить и меня к своим интересам; она с восторгом указывала на величину кучи и, как кажется, выставляла на вид ее достоинства; знаками, за недостатком понятного языка, она показывала мне, какую она надеется вырастить пшеницу в поле, получившем такое удобрение, и как хорошо будет, когда впоследствии на сорном дворике она посадит капусту, а на том месте, где лежит теперь удобрение, посадит мак. Я плохо понимала Тунджи, тем не менее передо мной вставал такой симпатичный образ земледельца, забывающего о себе и о своих трудах в мечтах об урожае, что и теперь мне очень жаль, что нет у меня таланта описать вам Тунджи такой, какой я стала знать ее после этой весенней работы.

В марте, когда только еще самые ранние посевы стали зеленеть, мы уехали из Ниджи. С Тунджи мы встретились еще раз поздней осенью того же года. Каков был у нее урожай, я не знаю; может быть, и хорош, но не на пользу пошел он ей. Муж ее окончательно бросил хозяйство и ушел в соседний город работать в кузницу; младший брат, соскучась кормить его семью, ушел из дома, поселился в китайской части деревни и занялся там торговлей. Тунджи жила в опустелом доме, где когда-то жили мы; в его стенах буквально ничего не было.

Она была беременна, но, несмотря на это, на целые дни уходила из дома, собирая по горам кое-какие кусты и сорные травы на топливо к предстоящей зиме. Больджуха и Чиджа сидели теперь одни на опустелой веранде. Больджуха, такая веселая раньше, теперь, по-видимому, начинала стыдиться своей бедности и уже не любила играть с другими ребятами. Тунджи жаловалась на одиночество и боялась предстоящих родов в опустелом доме; старуха-свекровь не хотела жить с ней и терпеть нужду, жалуясь на сына, который умел только все прожить. Кто прав, кто виноват, не нам было судить; но ужасно было жаль видеть это полное разрушение благосостояния семьи.

Впервые опубликовано: *Русские ведомости*. СПб., 1888. № 140, 144.

КОММЕНТАРИИ*

¹ Срединным государством в XIX в. в России именовали Китай.

² Широнголы – один из монгольских народов, известный также как белые монголы (цагаан монгол).

³ Мандарины – данное португальцами название чиновников в императорском Китае.

⁴ Нагольная шуба – не крытая сукном меховая шуба кожей наружу.

⁵ Специально откормленные на мясо жирные петухи и курицы.

⁶ Поташ – карбонат калия, использовался как разрыхлитель для приготовления теста.

⁷ Лама – буддийский монах.

⁸ Арык – небольшой оросительный канал.

⁹ Курма – шелковая, атласная или хлопковая куртка с длинными цельнокроеными рукавами, высоким воротником и застежкой на правую сторону или посередине, вместо пуговиц и петель использовались сплетенные шнуры.

* Сост. по: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 10-е изд. М., 1989; Т. 1–3; ресурсы Интернета.